

На пятом этаже одной из больниц города Юэцзян, в коридоре перед операционной.

За окном опустилась ночь, без звезд и луны, темнота, как хищник, поджидающий добычу, была остановлена светом ламп. Белый свет люминесцентных ламп отражался на чисто белых стенах, зеленый индикатор «Операция» создавал призрачные блики. В воздухе, пропитанном запахом дезинфицирующих средств, витало предсмертное стенание.

— Госпожа Ци, речь идет о жизни!

Гневный крик внезапно разорвал тишину. Врач в зеленой операционной одежде отвернулся, глубоко вдохнул, чтобы успокоиться:

— Удаление матки спасет жизнь матери, иначе погибнут оба!

Напротив него, на стуле в зоне ожидания, сидела элегантная женщина средних лет, с аккуратным макияжем, держа сумочку на коленях. Она не спешила брать ручку, которую протягивала медсестра, сохраняя спокойствие, словно находилась не в коридоре перед операционной, где решалась жизнь и смерть.

Врач нервничал:

— Госпожа Ци, искусственная матка пациентки плохо прижилась, на 17-й неделе произошел разрыв, ситуация крайне опасная, уже перелили 5 000 миллилитров крови, но кровотечение не останавливается...

Шаги приблизились, медсестра, согревая пакет с кровью, быстро прошла в операционную. Оба — врач и женщина — следили за ней взглядом, пока она не исчезла за дверью.

— Я понимаю вашу точку зрения, — спокойно, но упрямо сказала госпожа Ци. — Но этот ребенок имеет огромное значение для нашей семьи, и, вероятно, второго такого не будет, поэтому я хочу, чтобы он выжил.

Это «он» явно не относилось к пациентке, лежащей на операционном столе и теряющей кровь.

— Вы не понимаете! Ребенок обречен, но если сейчас удалить матку, мы сможем спасти мать!

Милосердие врача не могло справиться с непониманием родственницы, он едва сдерживал эмоции.

Коридор был пуст, родителей и мужа пациентки рядом не было, только эта женщина, имеющая право подписи, но не связанная с пациенткой кровными узами, и совершенно не понимающая серьезности ситуации.

Она сказала:

— Я не хочу отказываться от этого ребенка.

В этот момент дверь операционной распахнулась, раздался резкий звук сигнализации, заставляющий сердце сжиматься. Врач повернулся к двери, женщина встала.

Медсестра стояла в дверях, маска скрывала ее лицо.

— Пациент, 122 дня беременности, разрыв матки, сильное кровотечение, реанимация не удалась, время смерти...

Не успев закончить, в операционной началась суматоха, медсестра тут же развернулась и вернулась внутрь, врач бросился к двери, полы его белого халата взметнулись, нарушая застывший воздух.

Госпожа Ци, словно лишившись сил, опустилась на стул, уставившись в пустоту перед собой, и вдруг зарыдала.

В операционной, словно чудом, сердце, которое перестало биться, начало стучать слабо, но уверенно, давление постепенно повышалось, кровотечение, которое буквально хлестало, начало останавливаться. Вокруг операционного стола было полно темной крови, лица под светом ламп были сосредоточены, инструменты передавались быстро и беззвучно. Через полчаса в операционной раздался радостный возглас.

— Операция прошла успешно!

В тот же момент, в той же больнице, на подземном этаже, в морге.

Еще теплый труп был доставлен в морг для осмотра.

Два сотрудника больницы, воспользовавшись свободной минутой, завели разговор.

— Что случилось с новоприбывшим? Я видел, что его привезли прямо с машины скорой, даже не пытались реанимировать?

— А, скорая приехала слишком поздно, врачи не могут воскрешать мертвых. Его так сильно разбило, что гробовщику придется доплачивать.

— ДТП?

— Именно. Ехал с превышением скорости, без ремня, а тут еще пьяный на встречке. Судьба, да? А вот тому пьяному повезло, у него только кости сломаны, хотя весь пассажирский бок смято.

— Всего 29 лет, возраст, когда и дети есть, и родители живы. Что будет с ними, беднягами?

— Ты знаешь, эта семья вообще странная. Ребенок погиб, а они сразу начали требовать компенсацию, сейчас в полиции разбираются. Если бы не нужно было подписать бумаги, никто бы даже не приехал!

— А где они?

— Уже ушли, торопятся получить деньги за жизнь сына!

Поболтав, сотрудники разошлись по своим делам. Дежурный, долго работавший в больнице, не верил в призраков, обошел морг, проверяя, все ли на месте, и, остановившись перед новоприбывшим, посмотрел на табличку:

— Ло Юйхань... хорошее имя. Пусть в следующей жизни тебе повезет больше.

Сказав это, он выключил свет, закрыл дверь и вернулся в свою комнату.

.....

Ло Юйхань очнулся через три дня, его уже перевели из реанимации в VIP-палату на верхнем

этаже.

Открыв глаза, он почувствовал головокружение, тело было ледяным, руки и ноги слабыми, а в животе разливалась невыносимая боль. Он подумал, может, в аварии стекло впилося в живот?

Прислушавшись, он понял, что остальное тело, кажется, в порядке, боли нет, только слабость. Ло Юйхань мысленно порадовался, что, хотя он тогда был так взбешен на У Хуна и Ян Маньмань, что даже не пристегнулся и разогнался до 120 в городе, все обошлось лишь травмой живота, и, кажется, даже кости целы. Повезло.

Вспомнив У Хуна и Ян Маньмань, он снова почувствовал, как гнев поднимается в груди, но сдержался. Сначала нужно восстановиться, а потом уже разбираться с делами. Впредь такие импульсивные поступки недопустимы, в этот раз повезло, а в следующий раз может не повезти. Он мысленно повторил про себя: «Не злись, злость приведет к болезни», и решил позвать медсестру, чтобы попросить воды — своих родных он знал слишком хорошо, вряд ли кто-то будет с ним сидеть, придется самому о себе заботиться.

Однако, едва он попытался приподняться, в животе что-то дернулось, и острая боль, словно от пореза, пронзила его. Боль была настолько сильной, что перед глазами потемнело, силы покинули его, и он упал обратно на кровать.

— Сяохань, ты проснулся! — раздался женский голос. — Не двигайся, шов еще не зажил, не двигайся, я вызову врача, давай, попей воды.

Кто это?

Ло Юйхань с удивлением посмотрел в сторону и увидел женщину средних лет в форме сиделки. Подумав, что это, вероятно, сиделка, нанятая отцом, он немного успокоился, попил воды. В этот момент в комнату вошли врачи и медсестры, и он понял, что находится в роскошной палате. Одна только его комната была более двадцати квадратных метров, стены были не белыми, а приятного светло-коричневого цвета, декор и потолок были выполнены с изысканным вкусом. В комнате стояла кровать, вдоль стены — диван, а также комплект тумбочек, ламп, столиков и прочей мебели, больше напоминающей гостиничный номер. Снаружи была гостиная, и он даже не мог представить, какого она размера.

Что случилось с Ло Шэнда? Почему он вдруг стал так раскошеляться? Хотел компенсировать?

Он еще не осознал, что такие палаты, даже если они и были в пределах финансовых возможностей его отца Ло Шэнда, все же не были тем, что он мог себе позволить.

Врач подошел, провел несколько простых осмотров, записал данные с приборов и спросил:

— Что-то беспокоит?

Ло Юйхань ответил:

— Болит живот, как будто режут, тело слабое, нет сил.

Врач кивнул:

— Не надо сравнивать с порезом, тебя действительно разрезали. Кровь полностью заменили, слабость — это нормально. Ты — медицинское чудо.

Ло Юйхань с трудом улыбнулся:

— Спасибо, доктор.

Врач с удивлением сказал:

— Я даже не ожидал, что и ты, и ребенок выживете. Жизнь действительно сильна.

Он потрогал живот Юйхана и сказал:

— Малыш уже шевелится, шов болит?

Ло Юйхань посмотрел вниз, следуя за рукой врача, и увидел, что под светло-голубым одеялом его живот неестественно выпирал.

Он замолчал на мгновение, затем сухо сказал:

— ...Я не понимаю, что вы имеете в виду.

<http://bllate.org/book/16423/1488101>